

Яцек Пурхла
У прошлого есть будущее!

Jacek Purchla
The Past has a Future!

An interview with Prof. Dr. Jacek Purchla, a founder and for 27 years Director of International Cultural Centre in Krakow highlights some key issues of heritage-related agenda in modern Europe.

Prof. Purchla shares his memories about the 41th World Heritage Committee Session in Krakow which he was conducting as a Chair of Polish UNESCO Commission. He also speaks about social, economic, cultural and environmental potentials of cultural heritage as well as the danger of its over politicization. The talk was conducted by EHU Dr. Stsiapan Stureika.

Профессор Яцек Пурхла – историк искусства и экономист, одна из ключевых личностей современного Кракова. Человек, посвятивший всю жизнь не только сохранению его культурного наследия, но и развитию представлений о нем, изменению самого способа мышления о прошлом. Он основал и в течение 27 лет возглавлял Международный центр культуры (МЦК), в течение 5 лет был председателем польского Комитета по делам ЮНЕСКО. Всего, чем он занимался, просто не перечислить. Мы решили поговорить с ним о проблемах европейского наследия: об актуальных угрозах, трендах и, в конце концов, о его будущем.

Над чем Вы сейчас работаете? Какие самые важные проекты у Вас на столе?

Если говорить о самом важном в жизни: полгода назад я стал дедушкой! А если серьезно, то я всегда играю на нескольких инструментах одновременно. В МЦК у нас постоянно разрабатывается сразу несколько важных тем.

Во-первых, это взаимоотношения между культурой и экономическим и общественным измерением наследия. Сейчас мы в МЦК завершаем международный проект, посвященный управлению наследием исторических городов в контексте европейских мега-событий (НОМЕЕ – Heritage Opportunities/threats within Mega-Events in Europe). В Экономическом университете Кракова на кафедре, которой я руковожу, для издательства Routledge готовится объемный труд о трансформации, переживаемой Краковом после распада социалистического лагеря. Это попытка междисциплинарного исследования изменений города в посткоммунистических условиях.

Во-вторых, «диссонансное» или неудобное наследие, которое само по себе является проблемой. Это касается также и посткоммунистического наследия. В настоящий момент в МЦК готовится сложная выставка, посвященная наследию Третьего Рейха в Кракове.

Также завершается трехлетняя работа по изданию Большой энциклопедии Кракова, которая насчитывает около 6 000 научных статей. Кроме того, в качестве руководителя Совета Ягеллонского университета я сотрудничаю с ректором в отстаивании автономии университета. Поэтому на недостаток занятий жаловаться не приходится.

Зачастую первое, о чем мы в ЕГУ говорим со студентами, изучающими наследие, – его продолжающийся бум. Все больше объектов, артефактов и нематериальных элементов считаются достойными сохранения. Как Вы думаете, куда все это движется? Будет ли объем наследия возрастать, и как нам быть в такой ситуации?

Мы живем в период внезапных и многоплановых изменений, и это также означает революцию в нашем отношении к прошлому. Это отношение ранее ограничивалось термином «исторический памятник». Понятие «культурное наследие» переживает захватывающую трансформацию, длящуюся уже несколько десятилетий. Оно все больше расширяется, но и все больше конкретизируется, взять хотя бы упомянутое диссонансное наследие. Повышается роль нематериального наследия. Раньше нас интересовало прежде всего то, как сохранить объекты. Но теперь не менее важна наша память, ежедневно реинтерпретирующая прошлое, и использующая его в современных целях. И тут открываются неограниченные возможности.

Причем в работе с наследием, в отличие от работы с памятниками, ключевую роль играет уже не узкая каста экспертов-менторов, как я их называю – капелланов. Мы все в игре! Нравится нам или нет, на нашей идентичности играют политики, СМИ, просветители и педагоги и, конечно, мы сами. Сегодня наследие – это *soft power*, инструмент политической борьбы, если не сказать – войны. Такую войну ведут не с помощью танков и бомбардировщиков, нет – это битва за головы, за нашу идентичность и память. Но тут, конечно, нужно разграничить херитологию, как междисциплинарную научную дисциплину и ежедневную политическую эксплуатацию наследия.

Какие Вы видите сегодня главные международные тенденции в сохранении наследия? Какие идеи и проекты наиболее востребованы и, соответственно, получают наибольшую поддержку?

По образованию я и историк искусства, и экономист (это была моя первая специализация). 40 лет назад, когда я объединил эти две разные области академических знаний, это воспринималось как курьез. Все, что составляло предмет охраны памятников, было оторвано как от современности, так и от экономического развития. Наибольшие достижения польских реставраторов – та же невероятная реконструкция уничтоженной Варшавы – были результатом политических, если не сказать идеологических, решений, принятых в страшное время сталинизма. Коммунисты хотели, по сути, купить себе народную поддержку, легитимироваться.

Так вот, теперь в Экономическом университете Кракова я руковожу кафедрой ЮНЕСКО «Исследования наследия и города» (UNESCO Chair for Heritage and Urban Studies). Там мы занимаемся всем, что касается наследия как источника развития. То есть, мы рассматриваем наследие не как балласт, проблему, а как ресурс. В масштабе Европы он огромен! Мы продемонстрировали это в иссле-

довании «Cultural Heritage Counts for Europe», выполненном в 2015 году по заказу Европейской комиссии).¹ А в июне 2021 года Совет Европы принял документ, в котором четко обозначено, что отношение стран-членов ЕС к культурному наследию как к источнику развития также в экологическом и социальном направлении соответствует приоритетным целям Евросоюза. Вот что определяет спрос на исследования, которые впоследствии включаются в европейскую политику.

Мы долгое время боролись за то, чтобы культурное наследие вообще было в повестке дня, чтобы оно находилось не только в сфере внимания Комиссара по культуре, но попало и в сферу интересов Комиссара, отвечающего за региональное развитие. И вот теперь это случилось! Причем это касается не только туризма, но и других немаловажных аспектов. По моему мнению, у наследия большое будущее.

Второе направление, о котором я уже упоминал, касается политики памяти, исторической политики, борьбы за идентичность, за умы и сердца людей. Здесь проявляется вопрос нематериального наследия и всего, что касается мест памяти. Я имел честь быть одним из экспертов первого поколения, реализующих программу «Знак европейского наследия» (European Heritage Label). Это прекрасная идея, хотя ее по-разному понимают. Она заключается в том, чтобы идентифицировать во всех странах Евросоюза места и объекты, говорящие нам о европейской интеграции. То есть не такие, которые сообщают о конфликтах, а наоборот, те, которыми мы можем вместе гордиться. Это европейский аналог наиболее успешного проекта ЮНЕСКО – Списка Всемирного наследия, в котором сейчас больше 1 100 номинаций на территории 165 стран. Это фантастика!

Третье направление – необходимость актуализации Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 года, потому что за 50 лет мир ушел далеко вперед. И здесь самое главное – включение в работу с наследием гражданского общества. 50 лет назад ЮНЕСКО, как межправительственная организация, могла позволить себе принять конвенцию, подписываемую только правительствами. Но сегодня мы знаем, что ни одно, даже самое богатое государство, не в состоянии сохранять наследие только официальными инструментами. Ключевой вопрос все равно – сознательность общества и образование в сфере наследия. На эту тему ведется множество дискуссий. Когда я в 2016–17 годах был председателем Комитета Всемирного наследия, могу похвастаться, что впервые в Кракове состоялась дискуссия с представителями гражданского общества. Это был перелом, потому что даже с точки зрения регламента было непросто организовать такие дебаты. Однако в результате появилась резолюция о том, что гражданское общество – это фундамент всего процесса наследия.

Так что, по моему мнению, вот три основные тенденции: разработка роли наследия как ресурса для общественного развития, работа с интерпретацией наследия и повышение роли гражданского общества.

¹ Cultural Heritage Counts for Europe (Full report). Krakow: CHCfE Consortium, International Cultural Centre, 2015. 297 p.

В 2017 году мне посчастливилось присутствовать в Кракове на 41-й сессии Комитета Всемирного наследия, которую Вы вели. Все 10 дней я слушал, наблюдал, впитывал, и это было, вероятно, одно из самых ярких событий моей жизни. Но также одним из впечатлений было то, что вся эта концепция «Всемирное наследие» несколько исчерпала себя. Так много подходов! Люди, говорящие будто бы об одном и том же – о сохранении конкретных архитектурных объектов – имеют в виду очень разные вещи. А каково было Ваше впечатление от происходящего, и что Вы чувствовали в конце, помимо усталости?

Я был очень рад, что вообще удалось довести до конца эту сессию, потому что она, как никакая другая, поставила под угрозу Конвенцию 1972 года и наше глобальное мышление о культурном наследии. Угрозой я называю ситуацию, когда некоторые страны – да что там, много стран! – используют Список и наследие как таковое в собственных узко понимаемых политических целях. В нашем случае конфликт между Израилем и Палестиной грозил срывом всего мероприятия. Его формальная причина в том, что Палестина, не являясь членом ООН, но будучи в ЮНЕСКО, демонстрировала свою суверенность и свое международное присутствие посредством Списка. Была создана экстренная номинация о включении в Список города Хеврона, которую мы должны были рассмотреть безотлагательно. Израилю следовало бы радоваться, поскольку это священное место иудаизма. Однако та номинация показала масштаб конфликта между памятью и идентичностью арабского мира и евреями.

Это был не единственный конфликт. Неожиданностью для меня стал спор между Японией и Корейской республикой. Кажалось бы, номинации должны утверждать универсальные ценности, объединять. Речь шла, однако, о номинации японских индустриальных объектов (некоторые до сих пор работают), созданных во времена эпохи Мейдзи руками корейских рабов. Опять конфликт памяти!

Но в основном, повторюсь, нам удалось убедительно показать, что Конвенция 1972 года спустя 50 лет требует ревизии, смены акцентов, требует открытия по направлению к гражданскому обществу. Может, прозвучит наивно, но это тоже способ деполитизации. Как именно это сделать – не знаю, но все же мир уже взял на себя ответственность за объекты в 165 странах.

Должен добавить, что раньше я тоже относился критически к внесению в Список объектов, не равных по значению Египетским пирамидам или Афинскому акрополю. Однако теперь осознал, насколько важна роль Списка в смысле просвещения, ведь он пропагандирует и поддерживает так называемую «передовую практику», то есть переносит на все континенты европейские идеалы работы с наследием.

А как бы Вы прокомментировали очевидный правый поворот в европейской политике и вообще ее поляризацию, в частности в Польше, в отношении работы с наследием? Как это отражается на наследии?

К сожалению, отражается. Поэтому я и разделял в нашем разговоре научный подход к наследию и игру с прошлым, ведущуюся политиками как слева, так и справа. Но, конечно, Вы правы, что этим прежде всего занимаются партии национальные, если не сказать националистические, особенно в посткоммунистических странах. Они разыгрывают карту патриотизма, политизируют охрану наследия, превращая ее в борьбу за память. Идет отождествление наследия, порой чрезмерное, с нашей суверенностью. Это хорошо заметно в странах Центральной Европы, где границы государств в XX веке перемещались намного быстрее границ культурных. Здесь вопрос «Почему твой друг – это мой враг?» является одним из фундаментальных. Не хочу называть конкретные страны. В сущности, в каждой стране есть проблемы, связанные с историей, памятью и наследием.

Когда я Вас слушаю, возникает двойственное чувство. С одной стороны, если кто-то желает, чтобы его большой проект в области наследия получил политическую, а значит и материальную поддержку, он должен включать в него это политическое измерение. Но одновременно мы все время говорим об угрозе политизации. Как же быть?

Это очень хороший вопрос! В первую очередь, это вопрос разработки модели государственного финансирования науки и культуры в демократическом правовом государстве. В Польше за 30 лет такая эффективная модель не появилась. Я пережил 20 министров культуры, но ни один из них не занимался этой темой. Лозунг, который я продвигаю с 1990-х годов – повышение роли общества и уменьшение роли государства в вопросах финансирования! – не был реализован даже самыми демократическими министрами.

У нас также есть случаи, когда мы получаем отказы в государственном финансировании, в которых очевидна политическая подоплека. У нас нет цензуры, но есть конъюнктура. Тем не менее, удастся реализовать даже такие проекты, как исследование наследия Третьего Рейха в Кракове. В этом состоит наша свобода. Свобода делать свои проекты есть и у вас, хоть, может быть, теперь и не в самой Беларуси.

Мои коллеги в Германии находятся в иной ситуации. Когда совместно с Центральным институтом истории искусств в Мюнхене мы обсуждали финансирование нашего проекта, я спросил многолетнего директора института: «Как часто ты вынужден звонить министру? Как часто у вас происходят встречи по поводу бюджета

организации?». Он не понял вопроса! Отделение политики от декларируемых ценностей научной работы является фундаментом здорового демократического государства и государственного финансирования.

Вы очень много работаете с наследием стран Вышеградской четверки. Список реализованных проектов МЦК для этого региона просто невероятный. Однако, помимо этой конфигурации стран, Польша участвует еще и в продвижении культурного наследия региона бывшей Речи Посполитой. Это также Беларусь, Литва, Украина. Могли бы Вы сравнить эти два направления?

Надеюсь, что это просто вопрос, а не политическая провокация! Должен сказать, что оба направления одинаково важны. Но работа на них принципиально отличается по очевидным причинам. Если речь о Вышеградской группе, то это три латинских королевства, которые много позаимствовали из Рима – Чехия, Венгрия и Польша. Многие видят в них продолжателей традиций Габсбургской империи. В 1991 году лидеры этих стран (тогда это была еще Чехословакия) были историческими личностями, сыгравшими огромную роль в борьбе с коммунизмом. Йозеф Анталл, Вацлав Гавел, не говоря уже о Лехе Валенсе, стали отцами-основателями Вышеградской группы. Эти страны вышли из социалистического лагеря подготовленными наилучшим образом по причине их исторического пути, в том числе потому, что в межвоенное время они уже были суверенными. Вскоре появилась Словакия. Эти страны совершили быстрый совместный и солидарный переход в НАТО и Евросоюз.

Однако, несмотря на политическую общность, наладить культурное сотрудничество было трудно. Причина уже упоминалась: «Почему твой друг – это мой враг?». На самом деле мы не очень хорошо знали друг друга. Еще существовали границы. Так вот, это взаимное познание составляло огромную ценность нашего сотрудничества в течении 30-ти лет. Я очень рад, что с польской стороны это сотрудничество поддерживает Краков.

А вот в совместных действиях в рамках бывшей Речи Посполитой есть некоторые трудности. Самая большая из них, по крайней мере так считаю я и многие мои друзья, – это то, что польские участники диалога воспринимаются как руководители, смотрящие сверху. Это наша внутренняя проблема. Несколько месяцев тому назад мы ее обсуждали здесь в МЦК, во время подготовки белорусского номера альманаха НЕВІТО. Нам было важно, чтобы сами белорусы были его авторами и были в этом суверенны. Чтобы не было так, что поляки издают сентиментальный журнал, в котором рассказывают о Мицкевиче, Костюшко и Гродно.

В 1990-х годах мы проводили совместные конференции и с трудом добивались, чтобы они проходили на двух языках: русском,

как региональном, и польском, как языке принимающей стороны. Парадокс состоял в том, что все участники хотели говорить только по-польски! Это было сигналом со стороны ученых из Литвы, Беларуси и Украины, что они чувствуют связь с бывшей Речью Посполитой.

Однако слишком сильно разделяет нас новейшая история, особенно в вопросе польско-украинских отношений. Еще в 1990-х годах я подвергался открытой, если не сказать агрессивной критике со стороны поляков, изгнанных в свое время из Львова и живущих в Кракове в связи с польско-украинскими мероприятиями. Теперь, через 30 лет, ситуация выглядит совершенно иначе.

Ну и последний вопрос. В нашем университете разработаны две программы по культурному наследию: магистерская и бакалаврская. Проблема заключается в том, как привлечь талантливую молодежь. Все хотят изучать медиа, дизайн, IT. А наследие... это ведь так интересно, но... Что мы должны сообщить новым студентам, чтобы они по какой-то причине захотели изучать наследие? Как их привлечь?

Это наша общая задача. Но только я уже не испытываю иллюзий. Да, девиз, который я использую со времен Европейского года культурного наследия в 2018 году – «У прошлого есть будущее!». Однако несколько лет назад во время одной поездки я обратил внимание на заголовок на первой странице в уважаемой американской или английской газете, которую читал мой сосед. Заголовок гласил: «Выглядеть старым становится ненормально». Да, все хотят быть молодыми, красивыми, богатыми. Так что с этим связан первый психологический барьер к изучению наследия. Но все же более серьезная проблема состоит в том, что наши университеты слишком замкнуты. С одной стороны, ректоры декларируют развитие междисциплинарности. Но действительность противоположна. Говорю это как заведующий кафедрой и председатель Совета старейшего и лучшего, согласно рейтингам, университета в Польше. Мы очень замкнуты. А херитология – мультидисциплинарна. Она требует содействия разных наук: не только истории искусства и экономики, но и социологии, антропологии, политических наук, управления и многих других. На восток от бывшего железного занавеса практически нет университетов, которые смогли бы реализовать такую модель. В Экономическом университете в Кракове у нас нет возможности создать факультет по изучению наследия. Не потому, что нет спроса. Просто нет системных бюрократических условий, которые бы сделали это возможным. Думаю, я уже не доживу.

Но если вам это удастся, значит у вас большое будущее!